

В зеркале языка

Рыцари печального образа

Лорка и Шостакович как донкихоты XX века в недостижимости мечты

АЛЕКСАНДР ПОСКРЁБЫШЕВ

В ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ В СЕЗОНЕ ЛЕКЦИИ ИЗ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ СЕРИИ «ПИСАТЕЛИ - ЮБИЛЯРЫ ГОДА» В НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ УДМУРТИИ КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК АЛЕКСАНДР ЛАВРЕНТЬЕВ ПРЕДСТАВИЛ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКИ «ПЛАЧ ИСПАНСКОЙ ГИТАРЫ: СУДЬБА, ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ...»

Кульминация сопереживания

На закономерный вопрос: почему именно Лорка стал самым популярным испанским поэтом в России, - у самого авторитетного эксперта по зарубежной литературе в Удмуртии ответа не нашлось. Причём Александр Лаврентьев не стал стыдиться этого незнания.

- Это происходит очень часто, когда у явления нет точного объяснения словами, - отреагировал литературовед, намекая на тот самый случай, когда человеку можно не объяснять, а навести его на попытку к самостоятельному чтению, поиску ответа в авторском тексте, думанию и в кульминации мыслительного процесса сопереживанию. Чувству, которое и призвано воспитывать искусство в целом у людей, готовых к личностному развитию.

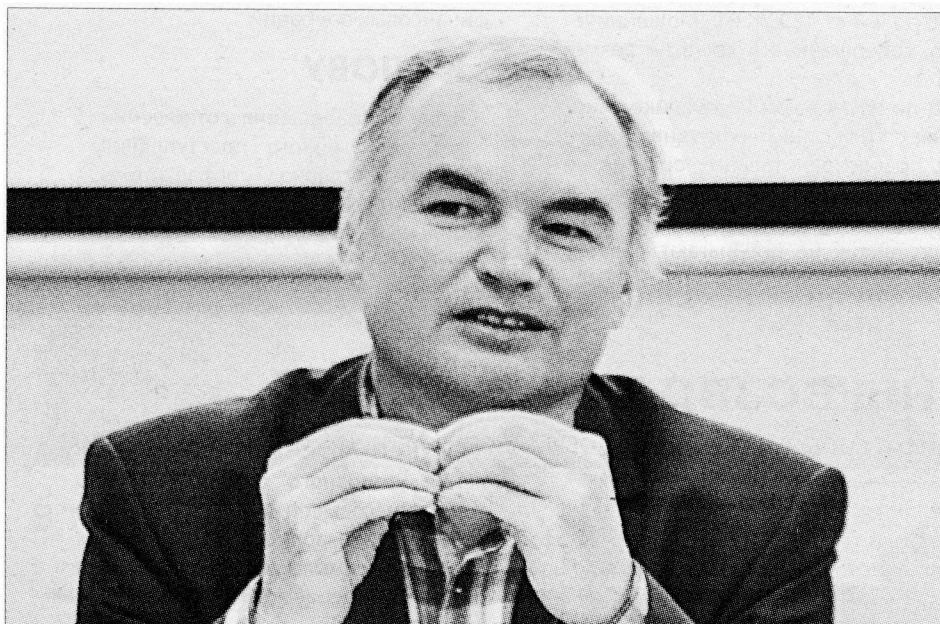
Терапия от жизненных ножиц

При этом, выстраивая собственную версию творческой мотивации Федерико Гарсиа Лорки, ижевский учёный сделал чёткий акцент на жизненных ножицах, имея в виду распространённую историю между большим настоящим желанием и невыполнимостью его в реальности.

- Когда вы чего-то страстно хотите, но понимаете, что это недостижимая мечта, - на простом образном примере из судьбы испанского поэта Александр Лаврентьев наглядно обрисовал ситуацию диссонанса между чётким пониманием и сильным «хочу». - Как образованный человек, интеллеktуал, Лорка понимал, что жизнь конечна, а как верующий человек - пусть даже бывший, хотел жить вечно. В этой ситуации он писал стихи, рисовал, писал музыку, играл на музыкальных инструментах, и многогранное творчество было для него действенным вариантом психотерапии. Тем более что вера в Бога в сопряжении с фатализмом и мистически мрачным отношением к жизни, как в зеркале, отражали архетипы жителей южной Испании - провинций Гранада и Андалузия.

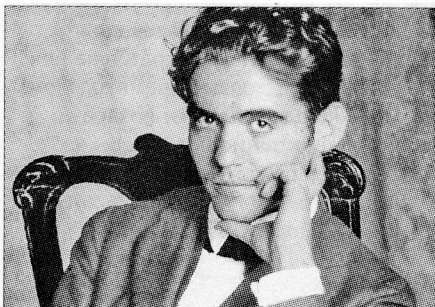
«За Луну или за Солнце?!»

Этот наивный вопрос из популярного у советских детей розыгрыша вполне можно было задать не только Федерико Гар-

Александр Лаврентьев

Фото: Александр Поскрёбышев

Федерико Гарсиа Лорка

сиа Лорке, на полярных эмоциях восставшего или, наоборот, примирявшегося с несправедливостью земного существования человека.

Всё дело в том, что подобные взгляды, как и темы «Страдания и Горя, Любви и Смерти, Луны и Солнца» (как раз символы Смерти и Жизни), сопровождавшие в пути поэзию Лорки, разделяли многие великие художники.

Поэтому немудрено, что только в большом искусстве звуков к поэтическому наследию уроженца Гранады, нашедшего приют в Андалузии, где в переливах плачут гитары и скрипки цыган, обращались десятки композиторов. Из зарубежных - Джордж Крамб и Тим Бакли, а из отечественных - целая обойма: от Вадима Салманова, Николая Сидельникова, Андрея Волконского и Кирилла Молчанова до Филиппа Гершковича, Григория Фрида, Александра Соколова, Елены Камбуровой, Марка Минкова и Александра Градского.

Мысль от Мусоргского

Однако отдельной планетой на этой орбите после Четырнадцатой симфонии стал Дмитрий Шостакович.

«Последнее время я много сочиняю. С одной стороны, это влечение - род не-

Дмитрий Шостакович

Фото: открытые информационные источники

дуга, а с другой, видимо, старческая графомания, - в первый февральский день 1969 года Дмитрий Дмитриевич со свойственной ему самоиронией сообщал в письме другу Исааку Гликману. - Задумано, как мне кажется, интересно. Так или иначе, это занятие меня увлекает и развлекает...»

В этом насмешливом с нотками снисхождения и даже уничижения Шостакович говорил именно о Четырнадцатой симфонии, которую позже признает самым лучшим своим произведением, оставившим далеко позади всё, что было им создано раньше.

Зимой 1969 года 62-летний композитор, уже страдавший от тяжёлого заболевания, снова лежал в больнице и параллельно с сочинением музыки, как всегда, поглощал хорошую литературу.

На тот момент в его литературном ряду преобладали сборники стихов Лорки, Бодлера, Аполлинера, Рильке и Кюхельбекера, и постепенно в голове творца стала складываться конструкция оригинального сочинения: то ли оратории, то ли симфонии для голосов и камерного оркестра - из одиннадцати частей на прочитанные поэтические тексты. И главной темой при выборе поэзии стала тема смерти.

«Вопросам любви я уделил внимание хотя бы в «Крейцеровой сонате» на слова Саши Чёрного. Вопросами смерти я не занимался. Накануне ухода в больницу я прослушал «Песни и пляски смерти» Мусоргского, и мысль заняться смертью у меня окончательно созрела», - уже в марте все того же 1969 года писал Шостакович, всё чаще размышлявший о неотвратимости кончины.

Молчание особой тишины

Его Четырнадцатую симфонию открывала часть De profundis («Из глубин») Федерико Гарсиа Лорки. Покаянный псалом, который читается как отходная молитва над умирающим: «Из глубин я воззвал к тебе, Господи! Господи, услышь голос мой».

В следующей части Шостакович вновь обратился к Лорке, положив на музыку его «Малагенью» - посвящение одному из самых известных испанских танцев.

- Быстрая, с сумасшедшинкой, и Шостакович придумал в ней потрясшее звучание. Скрипки играли очень высоко, а контрабас с виолончелью - очень низко. И это расстояние давало фантастически красивый эффект, - вспоминал Рудольф Баршай, под руководством которого Московский камерный оркестр устроил премьерное исполнение Четырнадцатой симфонии.

«Чёрт побери, я не знал, что это будет так потрясаете звучать! Продолжайте! Продолжайте!» - потирая руки от восторга, очень довольный композитор говорил дирижёру на одной из репетиций.

Когда на премьере в Ленинградской капелле музыка закончилась, наступила глубокая тишина. Совершенно особая тишина, когда молчат тысячи людей. Как будто время остановилось... А потом в ложе поднялся Мравинский, и вслед за ним встал весь зал. Шостаковича вызывали и вызывали...

Идти по своему пути

- Можно ли называть Федерико Гарсиа Лорку рыцарем печального образа, но XX века?! - в своём единственном вопросе к Александру Лаврентьеву журналист «Известий Удмуртской Республики» от музыки Шостаковича и её автора вернулся к центральной фигуре лекционного вечера.

- Да, абсолютно можно! - искренне и эмоционально откликнулся Александр Иванович, который читал испанского поэта в переводе Анатолия Гелескула. По признанию филолога, все классические переводы Лорки, выходявшие в Советском Союзе, были очень качественными. - И здесь надо помнить, что многие испанцы, которые делают свою биографию, в той или иной степени повторяют Дон Кихота. И суть тут заключается даже не в желании поклониться Сервантесу. Это происходит на уровне опять же архетипов испанского народа. Сами они могут этого не осознавать, а лишь следовать по пути... Говорю сейчас как раз о желании верить в мечту, но понимании о её недостижимости...